

Слово редактора

JUS RESISTENDI И ДРЕССИРОВАННЫЕ ЗАЙЦЫ

В.П. Макаренко

Южный федеральный университет

Личные обстоятельства не дали мне возможности непосредственно участвовать в дискуссии на тему «Ученый и власть», которая состоялась в Санкт-Петербургском университете профсоюзов в ноябре 2009 года. Однако я ознакомился со стенограммой дискуссии. На этой почве возник ряд соображений. Оттолкнувшись от суждения Э.И.Колчинского: «Взаимодействие ученого и власти всегда сложно, особенно если власть преступная. А власти, которая хорошо бы относилась к народу, не бывает. Правда, иногда общество способно контролировать власть, но в России таких периодов было достаточно мало». Для анализа русской власти в ее экономических, политических и идеологических измерениях я разработал концепты политического отчуждения, гражданского отчуждения и гражданского сопротивления. Гражданское сопротивление – это реализация классического *jus resistendi* (права на сопротивление), которое включает в свой состав когнитивное сопротивление. Проиллюстрирую применимость данных концептов к анализу ранее указанной темы.

Советская политика в области науки

В статье 44 Конституции РФ записано: «1. Каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания. Интеллектуальная собственность охраняется законом». Между тем события и процессы в современной России развиваются в ином направлении. Власть нарушает право на свободу научного творчества, записанное в «Конституции РФ», и способствует деградации научной культуры страны. В таких условиях классическое право сопротивления (*jus resistendi*) фиксирует серьезное отношение ученых к своему достоинству, условиям труда и жизни.

В чем состоит нарушение свободы научного творчества? Для ответа я бы строго определил свободу научного творчества как возможность использования

учеными следующих свобод: устного и письменного высказывания о состоянии дел в обществе и в науке; выбора тем, проблем, теоретико-методологической ориентации, когнитивной и философской перспективы; взаимодействия для создания и определения значения познавательных ценностей; создания обществ и союзов, защищающих интересы ученых; воспитания и образования новых поколений ученых.

Все эти свободы систематически нарушались в Российской империи, СССР и не соблюдаются в современной России. Значит, при реализации всех свобод требуется независимость от власти. Проблема сводится к определению меры такой независимости, включая независимость от текущих интересов и потребностей общества.

Как известно, советские «командиры науки» принадлежали к верхушке КПСС или назначались ею, сотрудничали с политической полицией и пропагандой в целях ограничения и ликвидации свободы науки. Они входили в партийно-хозяйственный актив, среди которого были и беспартийные. Но отсутствие партбилета не мешало им обслуживать советскую политику.

Советская политика в области науки может быть обозначена как комплекс следующих приемов и процедур:

- цензура на основе произвольно установленных властью идеологических, политических и полицейских критериев;

- всеобщий надзор, слежка, провокация, давление сотрудников госбезопасности и их агентов на ученых;

- составление и применение гласных и негласных инструкций, позволяющих репрессировать и дискриминировать лиц, получивших негативную оценку партийных структур;

- оценка партийным аппаратом кандидатов на все должности, награды, ранги, премии, субсидии на основе принципов неясности и конформизма;

- отрицательная оценка лиц, поведение которых нарушало верноподданность;

- направление львиной доли денежных и материальных средств (под видом финансирования науки) на потребности военно-промышленного комплекса и партийно-государственного аппарата;

- отбрасывание идеала объективной истины при определении целей и задач науки;

- систематическое и целенаправленное вмешательство в научную жизнь (в виде кампаний апологетики или диффамации конкретных лиц и целых научных направлений, вплоть до расистской ксенофобии);

- манипуляция, коррупция, давление на ученых для превращения их в холуев правительства и общества «реального социализма», послушно выполняющих указания разведывательной природы и нарушающих нормы профессиональной этики.

Так было во времена СССР. Особая проблема состоит в описании механизмов воспроизводства указанных приемов и процедур. В частности, сегодня расходы на науку таковы, что это затрудняет или полностью исключает свободу научного творчества.

Свободы науки нет, если:

- нет средств для проведения научных исследований, вытекающих из современной проблемной ситуации или подтверждающих преимущество эпистемологической, технологической и гуманистической функций науки;

- затруднены научные (прямые и опосредованные) коммуникации и издание научных публикаций;

- не обеспечена достойная жизнь ученого на таком уровне, когда побочная деятельность дополняет научную работу, а не превращается в основную.

Научная культура – это состояние общества, тождественное постоянному, всеобщему и значимому присутствию научного знания на всех социальных полях. Общество не обладает научной культурой, если:

- академический уровень ниже мирового;

- расходы на научную и педагогическую деятельность ниже мировых стандартов;

- популяция кандидатов на профессии ученого и педагога не позволяет выбрать достойных наследников мастеров из сообщества учеников;

- сеть университетов не тождественна центрам, в которых есть научная среда для нормального развития.

Как показал Б.Г.Юдин, в России на протяжении XX в. не сложилось нормальное научное сообщество. Поэтому современная Россия не является обществом научной культуры и постепенно отдаляется от ее мировых стандартов. Власть скорее продолжает, чем ревизует советскую политику в отношении науки. После событий 1991-1993 гг., а особенно после прихода к власти команды В.В.Путина, политики в отношении науки нет, хотя бумаг в виде законов и постановлений вышло множество. Одновременно на многих постах находятся люди с дипломами кандидатов и докторов наук, членов-корреспондентов и академиков. Значит, руководители государства не хотят всерьез заняться вопросами: кем должны быть ученые в России и должна ли быть в ней наука?

Общая ситуация выглядит следующим образом. Вопросы науки рассматриваются и решаются без участия ученых. Нарушается правило использования экспертиз о структурном и функциональном характере науки как культуротворческом факторе развития общества. Не учитываются потребности ученых, большинство которых не имеет средств на научную и педагогическую деятельность, достойную жизнь. Пренебрегается специфика науки как формы знания, познания и творчества. Происходит отождествление университетов и научных институтов с супермаркетами, бюро услуг и другими конторами, работающими по заказам клиентов. Отсутствует понимание того, что свобода науки – это

комплекс механизмов пользования свободами, образующими состояние свободы.

На этой основе научное сообщество может составить иск (или обвинительный акт) власти. Власть принимает решения о субсидиях на науку, статусе учебных и институтов научной жизни, нарушая принципы компетенции (знание предмета) и функциональности (обязанность принятия решений с учетом потребностей объекта решения). Нарушение обоих принципов свидетельствует об опасной для науки и общества болезни *административного восторга* – убеждения, что само право принятия решения – разновидность чудотворства (или магического знания предмета решения). Административный восторг переплелся с *юридическим упоением* – верой в то, что законы позволяют преодолеть любую ситуацию, неудобную для власти.

Власть проявляет наглость и мегаломанию в отношении журналистов, ученых, врачей, учителей, художников. Эта тенденция усиливалась на протяжении последнего двадцатилетия. Властвующим убеждены в том, что они обладают магическим знанием, позволяющим управлять наукой. Само существование такого убеждения может служить источником и стимулом для сопротивления ученых.

Большая ложка или окопная правда?

Законность и польза – необходимые условия одобрения и выполнения решений власти. Отсутствие законности бросает тень на знание дела, эффективность действий и пользу выполнения решений. Бесполезность порождает проблему моральной, интеллектуальной и технической квалификации властвующих. Законность властвующих сомнительна, поскольку они не умеют и не хотят быть полезными для общества. Падение авторитета власти – господствующая тенденция последних 20-ти лет. Отсюда вытекает проблема выполнимости ее решений. Отказ может быть пассивным или активным сопротивлением.

Фронт такого отказа может состоять из плана и движения сопротивления. То и другое можно составить на основе определения реального положения науки, ученых и управления наукой в стране. Причем, это знание имеет лишь косвенное отношение к правительственным бумагам по данному предмету. Надо исходить из того, что в состав политики, законодательства и управления не входят решения о научном поиске – комплексе познавательных стремлений, форм выполнения познавательных действий и применяемых при этом теориях и методах. Принятие решений о науке – это комплекс процедур, не мешающих ей развиваться в любых направлениях. Речь идет об установлении законов, функциональных в отношении научного познания, и выделении средств для его функционирования.

Внутренние дела науки есть предмет самоуправления ученых, автономии научного познания. Власть должна отвечать только за функциональность законов и выделение на науку средств для обеспечения механизмов научного поиска. Их легитимность зависит от гарантирования бюджета, оборудования, зданий, штатов, кадров для соблюдения условий существования науки в системах экономики, культуры и государства.

Настоящее состояние вещей в российской науке – продукт властных решений. Оно дисфункционально с точки зрения потребностей и задач науки и способствует развитию следующих феноменов:

1. Расцвет теневой жизни ученых – выбор коррупции как нормы поведения, мнимо-научная деятельность, занятие другими видами деятельности, дающими доход.

2. Отток из науки значительного числа людей, придающих вес собственному социальному (а не научному) статусу. Эти люди переходят на другие поля активности, эмигрируют путем прямого или косвенного взаимодействия с механизмами утечки мозгов, бросают отечественную культуру.

3. Создание предпосылок для движения сопротивления, направленного на замену вредных властителей полезными для науки людьми.

Государственная политика в области науки бесполезна или вредна для ученых. Она закрепляет раздел сферы науки на мир политических и научных ценностей (целей). В традиции социальной и политической мысли такое состояние вещей называется делением на мир политиков и мир людей содержательной компетентности. Первые стремятся реализовать свои доктрины и планы независимо от потребностей науки и общества. Другие отстаивают формулу: не существует никакой другой науки кроме той, которой занимаются с полной самоотдачей как главной целью жизни, располагая средствами на познавательную деятельность.

Деление на политиков и ученых универсально. Но в России вторичная институционализация науки после 1917 г. сформировала следующие нормативно-ценностные структуры поведения отечественных ученых: установка на самоизоляцию; отсутствие автономии и самоорганизации; определение приоритетов развития науки путем закулисного сговора политической и академической бюрократии; конфликт между гражданским и профессиональным статусом ученых. Современная отечественная наука есть воплощение английских (колониально-имперских), французских (революционно-бюрократических) и российских (самодержавно-бюрократических) интересов и амбиций власти и ученых. Поэтому в России нет нормального научного сообщества. Все это позволяет отвергнуть идентичность политиков и управленцев с учеными (от кандидата наук до академика).

Со времен Сталина и до настоящего времени министерства и ведомства выполняются лицами с научными степенями и званиями. В верхней и нижней палатах Думы, Общественной палате и прочих конторах и синекурах тоже сидят

остепененные «мужики и бабы». Данное сборище людей предварительно можно разделить на следующие группы:

1. Представители власти считают политический театр выгоднее театра научной жизни. Но на всякий случай или для продвижения на рынке политических карьер приобрели научные степени и звания.

2. Представители партий относятся к науке в соответствии с требованиями партийной тактики и стратегии (не только коммунистической).

3. Специалисты разных дисциплин пошли во власть на основе собственного представления о своих умениях и целях или после соответствующей вербовки.

Не надо особо доказывать, что члены первой и второй категории либо не имели ничего общего с наукой в строгом смысле слова, либо решительно порвали все корни с ней. Они культивируют иной ценностный порядок по сравнению с ценностным порядком участников битвы (или «игры», как сказал бы Л.Витгенштейн) за научную истину. Их можно назвать мнимыми учеными, которые прикрываются учеными степенями и званиями, но не соблюдают элементарные нормы научного этоса. Благодаря связям в политических кругах они могут выторговать разнообразные виды *modus vivendi* и даже устойчивый мир между учеными и политиками. Но такая торговля ведет к отказу от принципов и капитуляции научного этоса¹.

Люди третьей категории пытаются избежать дискомфорта, обусловленного конфликтом ролей политика (законодателя, управленца) и ученого. Им кажется, что они ведут себя иначе в статусе ученого и в статусе политика. Они хотят быть слугой двух господ. Служить тем и другим, в зависимости от присутствия в академической лаборатории, на университетской кафедре, среди министерских крыс или парламентских болтунов. Наука требует быть хорошим специалистом. Политика приказывает защищать *reason d'état*. Достаточно провести границу между ними, как снимается конфликт указанных ролей и проблема идентичности политиков и ученых. По сути, такое рассуждение обосновывает двоемыслие.

Правда, некоторые осознают: политика не терпит конкуренции и требует быть ее преданным слугой. Но они ощущают принадлежность к ученому миру. В их сознании возникает идея такой ложки, которой можно хлебать вместе с чертом из одной кормушки. Однако спустя некоторое время возникает «задний ум»: такой ложки не существует. Всякий, кто когда-либо хлебал из государ-

¹ В свое время кардинал Ришелье изобрел концепт государственного разума (*reason d'état*), который не равнозначен отбрасыванию научного разума (*reason d'science*). Действительно, в правовой демократии *reason d'état* требует, чтобы *reason d'science* был приспособлен к интересам нации или государства, которые (интересы) интерпретирует правительство. Этот шаблон мысли до сих пор является бродячим сюжетом в большинстве работ, посвященных отношению между политикой и наукой. Внесу одно уточнение. Мне уже приходилось писать, что государственный разум в единстве с законом иерархии и «теорией» разделения граждан на два класса – активных и сознательных (занятых в государственном аппарате) и пассивных и несознательных (не принадлежащих к государственному аппарату) образует элемент бюрократических отношений между обществом и правительством, а также отношений внутри правительства и аппарата управления. Поэтому всякая ссылка на некие «высшие государственные соображения» ведет к маскировке конфликта между политикой и наукой.

ственного корыта, – тот обслуживал такую политику, которую ревнители научной истины признают вредной для науки и ученых. Нахлебники не причастны к миру битвы за научную истину по причине измены главной норме научного этоса: преданность науке выше любых обязанностей – перед *raison d'état*, правительством, партиями, семьей и т.д. Научный этос требует не иметь ничего общего с людьми, способствующими деградации науки.

Итак, разрыв между политикой в отношении науки и требованиями научной культуры раздваивает социальное пространство на политиков (чиновников) и ученых (воспитателей ученых). Состояние раздвоенности ставит перед каждым человеком с научной степенью и званием проблему выбора: принадлежать к политикам (чиновникам) или быть верным научному этосу? Эта ситуация позволяет проверить на верность научному этосу всех, кто номинально является ученым.

Раздвоение на политику и науку появляется там, где «командиры науки» руководствуются иной концепцией бытия и функции науки и статуса ученого по сравнению с действительными окопными «солдатами науки». Вследствие противоположности этих концепций образ политика и чиновника в сознании ученых тождествен человеку, принимающему вредные для науки решения. Такова окопная правда натуральных российских ученых. Я пока не слышал, чтобы кто-нибудь из прошлых и современных политиков и чиновников добровольно отказался от научных степеней и званий. Значит, они хотят существовать и действовать в политико-административном мире. И потому должны осознать факт собственного систематического обмана ученых, журналистов и граждан, от имени которых действуют. Формы такого самообмана (самооправдания) могут быть предметом художественной литературы, клинической психологии и социологии науки.

Право сопротивления и проблема терапии научной жизни

Ученые имеют право на сопротивление при условиях: власть не обеспечивает свободу научного творчества в конституционном смысле слова; принимает бесполезные (вредные) для науки и ученых решения; политический курс правительства в отношении науки дисфункционален; круг авторитетных ученых (на основе мнения специалистов-научковедов) определяет ситуацию как основание для реализации права на сопротивление. Если властвующие связывают некомпетентность и дисфункциональность с невежеством и произволом, то основанием формирования фронта отказа является элементарная норма научного этоса о профессиональной ответственности ученых.

Такая профессиональная ответственность связана с соблюдением следующих условий:

1. Социальные нормы обязывают ученых исполнять действия, связанные с профессией научного работника.

2. Эти действия (или бездействие) влияют на социокультурную реальность (уровень научного знания, квалификация ученых, характер действительных функций науки).

3. Анализ положения дел приводит к выводу: ученые нарушают профессиональные нормы, что негативно влияет на социокультурную реальность.

4. Научное сообщество стоит перед выбором реакции по возмещению вреда, поскольку нарушение профессиональных норм наносит ущерб науке – т.е. достоинству, без соблюдения которого исчезает легитимность науки в целом или ухудшены условия соблюдения профессиональных норм.

5. Существуют законы о гражданской (уголовной) ответственности за нарушение указанных норм – т.е. измену научному этосу.

Иначе говоря, структуры измерения справедливости в отношении любого властного решения должны установить: нанесен ли вред науке? в чем он состоит? связан ли он с выполнением профессии ученого? кто отвечает за нанесение вреда? какова мера и сфера ответственности ученых?

Без надлежащих юридических образцов мысли и действия невозможно достичь такой профессиональной ответственности ученых, которая позволяет рассматривать ее как частный вопрос социального контроля научного сообщества над отдельными лицами и группами внутри и вне науки. Идея такого контроля давно высказана М.Оссовской. Она считала, что вместо умножения профессиональных этических кодексов надо детально изучить вопрос о социальных и политических источниках и следствиях множества нарушений традиционных принципов профессиональной морали ученого. Но в отличие от М.Оссовской я полагаю: при рассмотрении случаев нанесения вреда науке путем действия (бездействия) надо использовать (*mutatis mutandis*) комплекс правовых категорий – вина, вред, нанесение и возмещение ущерба, обязанность, мошенничество, права субъекта, иск, удовлетворение иска.

Профессиональная ответственность ученых – это ответственность за последствия действий при выполнении профессии научного работника. Можно выделить три вида ответственности: за продукты профессиональной деятельности – познавательные ценности, использование которых влияет на удовлетворение человеческих потребностей и решение социальных проблем; за воспитание и образование учеников; за соблюдение условий выполнения профессии. Такая ответственность возлагается на всех, у кого есть дипломы и аттестаты о научных степенях и званиях.

Политики, законодатели и администраторы России не соблюдают ответственность ни в одном смысле слова. Поэтому надо квалифицировать их измену научному этосу как умышленное действие, со всеми вытекающими последствиями. Властвующие сохраняют свои научные степени и звания, но принимают вредные для науки и ученых решения. Одновременно с помощью публичной риторики (в состав которой все более входит законодательство) научные работ-

ники принуждаются выполнять принятые указы и доверять властвующим. Все это я предлагаю рассматривать как разновидность истории об охоте на зайцев.

Подобно моим ровесникам, в детстве читал «Лесную газету» В.В.Бианки. До сих пор помню, что для зайца самым безвредным является охотник, который стреляет направо и налево и прет напролом. Значительно опаснее приноживающийся пес, а еще более – маленькая собачка, переодетая в шкуру зайца. Но наиболее опасен настоящий заяц, выдрессированный для того, чтобы привлекать других зайцев под стволы ружья.

Русские ученые были и остаются реальными зайцами. А всю современную политико-управленческую сферу России я предлагаю рассматривать как дрессированных зайцев. Таковы реальные основания для того, чтобы ученые использовали *jus resistendi* – право сопротивления как последний аргумент в отношении власти. Я не буду здесь подробно описывать способы и средства его применения. Меня более интересует проблема морали во время реализации права сопротивления. Разделение на политиков и ученых и *jus resistendi* последних следует понимать как тест проверки на верность научному этосу. Мораль множества техник сопротивления может базироваться на следующих правилах конституирования солидарности его участников:

1. Поляризация – постановка ученых перед выбором между политико-административной и научной деятельностью. На этой основе проверяется их отношение к норме солидарности между участниками битвы за истину в вопросах бытия науки и статуса ученых.

2. Остракизм в отношении тех, кто в конфликте политики и науки пытаются связывать верноподданность с принадлежностью к среде, мораль которой определяется научным этосом.

3. Информация всего научного сообщества о всех конфликтах, риторике и стратегиях поведения политиков, законодателей и администраторов при решении конкретных проблем. Прежде всего – о последствиях проигрыша или отказа от права сопротивления. Такая информация нужна для обсуждения данной проблемы всеми заинтересованными участниками. Обсуждение необходимо для уяснения причин права использования сопротивления и актуального раздвоения на политико-административную и научную деятельность в конкретных сферах науки.

4. Политизация – показ конфликта как значимого для общества. Деградация науки имеет фундаментальное значение для научной культуры общества, в котором граждане живут, учатся и работают.

Раздвоение на политику и науку – характеристика современной реальности. У политиков и чиновников нет доброй воли, воображения, рассудка, знания, умений, необходимых для принятия полезных решений. Поэтому право сопротивления есть выбор правильной позиции. Политики и чиновники обычно связывают свой политический курс с убеждением научного сообщества. Для этого они используют целую орду спичрайтеров, экспертов, публицистов. Вы-

воды политико-чиновничьих клик обычно содержат оптимистические образы мира и призывы к гражданскому единству властвующих и подвластных. На эти побрякушки и надо обратить особое внимание. Напомню, что апелляция к групповым интересам и идеалам – классическая техника разрушения морали тех, кто сопротивляется.

Автономия ролей исследователя, педагога и эксперта присуща обществу, в котором плюрализм, полицентризм и полиморфизм – конститутивные компоненты социального порядка. В советском обществе независимых экспертов не было. Пресекались даже попытки выполнения такой роли. Руководство СССР трактовало любых специалистов как «всю королевскую рать», независимо от их службы в академических институтах, университетах, партийном и административном аппарате. Независимые ученые-эксперты чаще всего использовали лозунг *улучшения и обновления социализма*. И не ставили перед собой цель подрыва советского общества и государства.

Чем руководствовались ученые в роли экспертов – оппортунизмом, партийной дисциплиной, карьеризмом или научной истиной? Вопрос требует специального обсуждения в отношении конкретных лиц, проблем и ситуаций. Но независимо от мотивов они выступали большими или меньшими холоуями власти. Стиль и техника управления наукой в СССР сформировали особую ментальность политиков, чиновников, экспертов. Сегодня в России практически нет таких научных групп, которые способны выделить в разных ситуациях экспертов, работающих ради науки и ведущих борьбу с политико-чиновничьими кликами как элемент «обустройства России». А те, кто готов участвовать в сопротивлении, не могут найти компетентных специалистов, верных научному этосу при экспертизе. Большинство ученых не имеет представления о достоинствах науковедения. Все это отрицательно характеризует интеллект и мораль тех, кто сам или в группе обязан обеспечивать условия для ведения битвы за научную истину.

Поэтому в современной ситуации *jus resistendi* ученых крайне необходимо. Ученые постоянно сталкиваются с действиями, которые наносят вред науке, ученым и научной культуре как части социальной культуры. Субъектами таких действий являются лица, которые трактуют проблемы политики и науки по аналогии с миром реального социализма. Риторика современных политиков и чиновников напоминает язык советских клик и является зеркалом их ментальности. В ней реализовано убеждение в сверхкомпетенции и всемогуществе. Использование права сопротивления означает также дистанцию в отношении тех, кто управляет наукой на протяжении всего постсоветского времени. Современные политико-чиновничьи клики продолжают стиль прежних и дилетантизм новых «командиров науки».

Болезни общества реального социализма усилились на протяжении последних 20 лет и пополнились рядом новых. Деградация науки стала господствующей тенденцией на фоне коррупции, бессилия прокуратуры, суда, милиции,

ФСБ, компрометации политиков и администраторов, кризиса авторитета всех «государственных мужей» и институтов. Сегодня в вопросах истины, добра и справедливости доверять некому.

Болезни науки переплетены с болезнями всех сфер государства: юридической (установление и применение законов), политической (парламент, министерства, СМИ, реклама), кадровой (критерии продвижения на посты), экономической (государственное субсидирование культуры и науки) и ведомственной (отношения между министерством образования и науки, академическими учреждениями и университетами подобны отношениям между центром власти и сетью подчиненных структур). Бюрократизация структур научной жизни – реальность сегодняшнего дня. Большинство ректоров вузов выполняют роль уполномоченных Министерства образования и науки. В отношении вузовского сообщества они выступают сторонниками и защитниками *raison d'etat*. Их действия нередко направлены на то, чтобы поставить себя и бюрократическую олигархию над сообществом университета.

Наблюдается также отчуждение управленческих структур университетов и НИИ от большинства научных работников. Одновременно происходит деморализация большинства. В этой ситуации официальные речи руководства, провозглашающих необходимость «профессионализма», фиксируют состояния «административной грации и восторга». Большинство законов можно только подтереться. Или – вслед за С.Беккетом – назвать «курсом на худшее».

Возникает альтернатива между гипотезой о сознательном нанесении правительством России вреда науке или признанием политико-административным безумием экономии на науке и образовании. Я думаю, борьба за существование науки и статус ученых должна проводиться под девизом: «Ни одного решения без нашего участия». Надо заменить административную централизацию действительным самоорганизацией и гражданским просвещением ученых. Социальный порядок российского общества как «машины и винтиков» (М.Геллер) надо раз и навсегда перечеркнуть. Заменить архипелагом множества автономных сфер с признанием их прав. Роль государства в этом случае сводится к устранению помех для развития научной культуры. Деграция науки и статуса ученых деморализует мастеров и учеников. Отношение «мастер – ученик» все более заменяется отношением *шеф-персонал, патрон-клиент*. Все это свидетельствует о дальнейшей патологизации науки.

В заключение отмечу, что научные учреждения должны оставаться местом, в котором изучают, обсуждают и осмысливают проблемы, сходные для различных культур и пространств. Однако на протяжении XX века усилилась тенденция превратить научные учреждения в топосы, в которых насаждают или решают социальные и политические вопросы. Угроза потери научными учреждениями своих функций и превращения их в придаток государственной машины или властвующих партий возрастает. Поэтому, на мой взгляд, проблема колаборационизма ученых становится центральной.